

Всадник на пьедестале

Инга Гвоздикова,
доктор исторических наук

В ноябре 1773 года девятнадцатилетний Салават Юлаев, сын старшины Шайтан-Кудейской волости, присоединился к Емельяну Пугачеву. Всего один год шел Салават вместе с Пугачевым под стягами Крестьянской войны. Но за это время он успел стать легендой, любимым героем башкирского народа. Повстанческий полковник, затем бригадир Салават Юлаев формировал повстанческие отряды, сражался с правительственными войсками, осаждал и брал крепости и селения, строил новые административные учреждения в освобожденных от правительственных властей районах. Сохранились документы, в которых говорится о личном участии Салавата Юлаева в двадцати сражениях.

Вот вехи его боевого пути.

В ноябре – начале декабря 1773 года Салават Юлаев отличился в сражениях под Оренбургом, был ранен. А в январе следующего года его корпус, состоявший из башкир, оренбургских казаков, государственных крестьян и заводских людей, предпринял штурм города Кунгура. Салават тяжело раненный, едва залечив рану, весь февраль и март сражался в районе между Красноуфимском и Сарапулом. В апреле Салават принялся энергично, “неусыпно”, по словам царских чиновников, собирать повстанческие отряды для Главного войска, которые продвигались к Магнитной крепости. Конница Салавата в ту пору насчитывала не менее четырех тысяч человек. Этими силами он храбро противодействовал подполковнику И.И.Михельсону, одному из самых упорных царских офицеров, преследовавших войско Пугачева.

В четырех майских сражениях Салават лицом к лицу встречался с Михельсоном. Мужество и стойкость повстанцев вызвали удивление и невольное уважение противника. Замечательной по тактическому плану и накалу борьбы была битва, развернувшаяся 3 и 5 июня, после присоединения отрядов Салавата к войску Пугачева. 3 июня сражение длилось около трех часов, “происходила великая

Салават Юлаев
Скульптор Т.Нечаева

ружейная и пушечная пальба”. Михельсон подсчитал, что у повстанцев было “до 3 тысяч человек, кроме человек до трехсот русских, все башкирцы”. 5 июня повстанцы вновь напали на Михельсона. Башкиры, как докладывал по инстанции подполковник, “выбежав со сторон, всеми силами... меня атаковали, и бой шел немалое время”. Михельсон доложил командиру войсками, что разбил повстанцев. Но Пугачев перед казнью показал, что, как он “не мог сломить... Михельсона”, так и тот “так же его не разбил”, и они “разошлись”. Салават же о этих боях писал: “А с гусарами было два сражения, при коих многие из них убиты, а мало число бежало”.

Ожесточенные бои произошли во второй половине июня под крепостью Оса. Здесь Салават был ранен третий раз. Бой за город длился трое суток. 21 июня крепость капитулировала. День спустя Главное повстанческое

войско переправилось на правый берег Камы и двинулось на Казань. Своего башкирского бригадира Пугачев оставил в Оренбургской губернии, где он возглавил повстанческое движение.

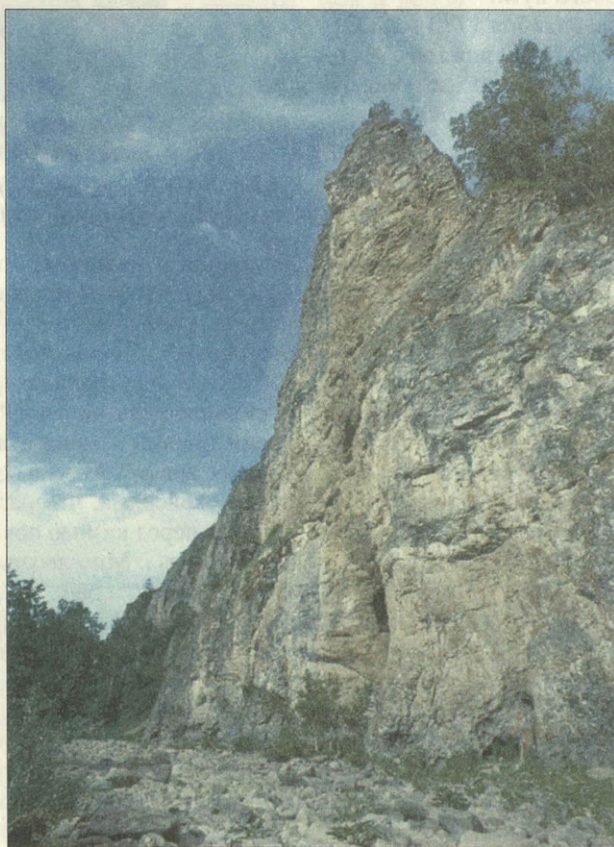
В начале августа Салават Юлаев двинулся на взятие Уфы. Поход, как видно, был обдуман и подготовлен. Салават предполагал обложить город со всех сторон, согласовав осаду с несколькими повстанческими отрядами. К Уфе шли, по меньшей мере, семь кавалерийских колонн.

С августа по ноябрь основным районом боевой деятельности Салавата становится северная и северо-восточная часть Башкирии от берегов Камы до Катавских заводов. Командующий правительственными войсками П.И.Панин требовал от башкир сложить оружие и “в знак своего истинного покаяния и подданнического повиновения” выдать Салавата и его отца Юлая Азналина “ближайшему из подчиненных мне войск военачальнику”. А начальник секретных комиссий генерал

П.С.Потемкин обратился к самому Салавату: “Покайся, познай вину свою и приди с повинованием”. Но боевой клятвой Салавата и его сподвижников стали слова, “чтоб им до самой их гибели находиться в беспокойствии, и не покоряться”.

Свое последнее сражение Салават Юлаев дал в двадцатых числах ноября 1774 года под Катав-Ивановским заводом. Оно было оценено как смелое, неожиданное со стороны повстанцев, а главное – тактически продуманное. А оценку боевым действиям и воинскому умению повстанческого полководца давали многоопытные армейские офицеры, знавшие, что такое война, какова роль военачальника в тактических расчетах и боевых действиях. Среди них подполковник И.И.Михельсон, участник Семилетней войны с Пруссией, русско-турецкой компании 1768–1770 годов; он был прикомандирован к А.В.Суворову и воювал против польских конфедератов. Михельсону Александр Васильевич посвятил собственноручно написанные строки: “более всех

Под этой скалой – пещера Салавата

Музей Салавата Юлаева
в селе Малояз

по его искусству отряжаем был противу мятежников в поле, и от успехов его получил себе великую славу”.

Воинским познаниям офицеров и выучке регулярных армейских частей Салават противопоставил свое мужество, отвагу, находчивость, соединенные с усвоенным с детства опытом “военных упражнений” отцов и дедов. Наблюдатели не раз описывали воинские учения, воинские занятия башкир XVIII–XIX веков. Вот как это делал руководитель одной из групп Оренбургской научной экспедиции 1770 года академик И.И.Лепехин: “Они метили стрелами как в поставленную цель, так и в башкирцов, которые столько имели проворности, что в известном расстоянии могли увертываться от пущенной стрелы. Иные пускали стрелы, стоя на земле, а удалые, рассказавшись во всю конскую прыть, метили стрелой в поставленный предмет”.

Описания боев против повстанцев в рапортах правительственных военачальников, свидетельства самих пугачевцев, захваченных в плен, позволяют уверенно говорить о полководческом таланте двадцатилетнего Салавата Юлаева. Но как ни храбр был Салават, как ни верил в удачу и правоту своего дела, восставшие были обречены на поражение в борьбе с могущественной империей. И скоро Салават Юлаев оказался на каторге в балтийском порту Рогервик (ныне город Палдиски в Эстонии).

В глазах перепуганных российских обывателей Салават, как и другие пугачевцы, долгое время оставался грабителем, разбойником с большой дороги. Они не хотели знать, что Салават запрещал своим воинам поднимать руку на мирных граждан захваченных городов. Так, перед штурмом Кунгура он издал указ: “Когда город Кунгур в плен взят будет, то, войдя в оной, никого не рубить...” И не только не рубить, но и “ко взяткам не касаться”.

Да, он был врагом Российской империи, но нельзя не признать за ним благородства,

чистоты помыслов, нельзя не видеть, что саблю в руки он взял не наживы ради. Он хотел добыть свободу – так, как он ее понимал. Высота целей превратила удалого разбойника в героя, в батыра, сделала его легендой башкирского народа.

Не забудем, что Салават был поэтом, кураистом. Он любил свою землю и был ее певцом:

*Милая моя земля,
Реки сладкие, поля,
Березняк и чернотал,
В небе вздыбленный Урал, –
Я одну мечту таю:
Родину воспеть мою...*

У этого юноши, железного батыра и непреклонного борца было нежное сердце. Наверное, за это сердце, а не только за воинские доблести, любили его и любят башкиры.

Оценивая поэзию юного воина, выдающийся башкирский поэт Мустай Карим пишет: “Не только боевая призывная публицистика, но и лирические стихи его о красоте родного края, о ночной неге, о любви служили той же главной идее – говорили о том, ради чего и во имя чего идти в бой”.

Салават Юлаев стоит в ряду самых ярких, значительных фигур отечественной истории. Гордая красивая жизнь, славные деяния башкирского народного героя были овеяны мечтой человека о свободе, добре, благоденствии – не для себя одного, не для избранных судьбы или сильных мира сего, а для всех.

Быстрее меткой стрелы пролетела жизнь Салавата. На взмыленном коне промчался ты по степям Приуралья прямо на пьедестал бессмертия. Памятник Салавату Юлаеву стал главной частью государственной символики Республики Башкортостан – ее герба. В 1967 году учреждена премия БАСССР имени Салавата Юлаева за лучшие произведения в области литературы, искусства и архитектуры (с 1992 года Государственная премия Республики Башкортостан). В честь Салавата Юлаева назван город Салават – крупнейший центр нефтехимии. Его жизнь и подвиг запечатлены в фольклоре, произведениях литературы и искусства. В селе Малояз открыт музей Салавата Юлаева. Ученые республики готовят к изданию персональную энциклопедию “Салават Юлаев”.

Но ни бронза, ни страницы книг – ничто по сравнению с той благодарной памятью о Салавате, которая живет в сердцах людей.